



Примечания

- 1 См.: Климova С. В. Проблема культуры предпринимательства в постсоветской России // Вестн. СГСЭУ. 2015. № 4 (58). С. 11–116.
- 2 Философия Герб. Спенсера. В изложении Г. Коллинса // Спенсер Г. Основания социологии. М., 1908. С. 340.
- 3 Вилкокc М., Риддерстрале Й. Корпорация : перезагрузка. Как лидеры управляют изменениями. М., 2012. С. 123.

- 4 См.: Деловой журнал РБК : [сайт]. URL: <http://www.rbcdaily.ru/magazine/trends/562949998308527> (дата обращения: 13.12.2015).
- 5 См.: Тоценко Ж. Т. Теоретические и прикладные проблемы исследования новых явлений в общественном сознании и социальной практике // Социс. 2010. № 7. С. 3–7.
- 6 См.: Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М., 2009.
- 7 См.: Добролюбов С. В. Теория социогенеза общества // Социс. 2010. № 3. С. 3–14.

УДК 316.74

ПУТЬ К ИСТОКАМ (о воспитательном значении генеалогии)

В. А. Климов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: Klimov-v1946@mail.ru

В статье с социологической точки зрения анализируется генеалогический аспект социализации поколений, вступающих в жизнь. Особое внимание уделяется значению генеалогии в воспитании молодежи в современном российском обществе.

Ключевые слова: генеалогия, воспитание, молодежь, современность.

The Way to the Sources (on Educational Importance of Genealogy)

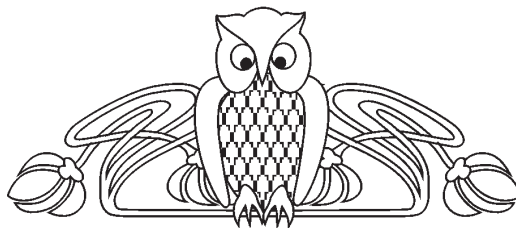
V. A. Klimov

The article presents the sociological approach analyses of genealogical aspect of generations socialization, the youth in particular. The importance of genealogy in youth education and upbringing in contemporary Russian society is emphasis.

Key words: genealogy, upbringing, youth, contemporary.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-282-286

Генеалогия традиционно рассматривается как специальная историческая дисциплина, которая, как писал выдающийся русский историк С. Б. Веселовский, «устанавливает родственные связи лиц, действующих на исторической арене», или же (по другому определению) занимается выявлением «родства по крови, свойству и бракам», т. е. всей совокупности семейных связей данного рода¹. На протяжении тысячелетий генеалогическое знание выполняет важную конституирующую роль в культурной и социально-политической сферах общественной жизни. Эта роль определяется чрезвычайным многообразием функций генеалогии, охватывающих как практические стороны жизни, так и глубинные структуры общественного сознания и мировосприятия человека на различных этапах исторического развития.



Изначальной функцией генеалогии является рациональное осмысление, символическое и идеологическое оформление связи и преемственности поколений. Этим определяется *воспитательное значение* генеалогического знания, которое не сводится к сбору и систематизации родословных сведений, но дает непосредственное ощущение живой связи нынешних и ушедших из жизни людей, соединяет прошлое с настоящим и перекидывает мостик в будущее. Образ родословного дерева, раскинувшего свои ветви в современности и уходящего корнями в глубокую древность, символизирует не только биосоматическую преемственность поколений, но и некий духовный смысл – явственное присутствие в нашей повседневной жизни всей предшествующей истории. Поэтому мы обязаны с благодарностью помнить о наших исторических предшественниках, о людях, создавших основы нашей цивилизации и незримо поддерживающих своих потомков в их замыслах и делах. И не только помнить, но и гордиться ими.

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие». Пренебрежение к делам и заслугам предшествующих поколений «служит только к распространению низкого эгоизма. Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им преданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?»² Эти слова А. С. Пушкина довольно часто цитируются в выступлениях и статьях современных философов, социологов, педагогов. Но достаточно ли глубоко мы, люди XXI века, понимаем истинный смысл этих высказываний? Постигнуть его, на наш взгляд, возможно лишь в контексте всего многогранного творчества Пушкина, всей системы его политических, исторических, эсте-



тических взглядов. Только таким образом можно в полной мере осмыслить причины столь частого обращения поэта к генеалогическим мотивам.

Не претендуя на всесторонний анализ этой проблемы, отметим лишь, что генеалогическая тематика связана с глубинными основами мировоззрения Пушкина, с коренными чертами его личности, его характера. В его творчестве, как отмечал известный литературовед Д. Д. Благой, «гениальная художественная одаренность сочеталась с исключительно обширным и глубоким интеллектом, энергия разрушения старого, обветшало́го – с энергией созидания»³. Во времена Пушкина, как и в наши дни, было немало «новаторов», огульно отвергавших многие традиционные формы культуры и повседневной жизни, которые казались им устаревшими, отжившими, ненужными. Сам Пушкин думал по-иному, он решительно выступал против «слепого пристрастия к новизне».

На одной из страниц «Евгения Онегина» встречается выражение «умная старина» – оно, на наш взгляд, выявляет живую не подвластную времени, полезную (а точнее говоря, душеполезную) сущность разумных традиций, воплощающих неисчерпаемый, подчас драматический опыт бесчисленных людских поколений. Глубже, полнее и пронизательнее многих своих предшественников и современников Пушкин видел и понимал, как «умная старина», т. е. традиция, «работает» в повседневной жизни, способствуя нравственному воспитанию человека.

В середине октября 1830 г., находясь в вынужденном заточении в Болдино, Пушкин пишет стихотворение, которое, хотя и осталось незавершенным, помогает нам понять, почему поэт так чтит генеалогическую традицию. Чтобы выразить свое отношение к прародителям, к их заветам, он находит проникновенные слова:

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва...

На этом же листе поэт пишет четверостишие, которое, по мнению исследователей, продолжает размышления о «двух чувствах»:

На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.

Известна манера Пушкина говорить о самых серьезных вещах с легкой усмешкой, иронией. Здесь ничего такого нет. Нескрываемый пафос, торжественный стиль, особая внутренняя энергия заставляют воспринимать эти чеканные строки не только как поэтическое излияние, но и как своеобразную декларацию, решительное, бескомпромиссное утверждение определенной жизненной, гражданской позиции автора.

Смысл любого художественного произведения выражается, как правило, в особых, обобщенных и многогранных образах-символах. В рассматриваемом нами стихотворении Пушкина главными символами являются «родное пепелище», «отеческие гроба». Почему? Академик Д. С. Лихачев так ответил на этот вопрос: «Поэзия Пушкина мудра. Каждое слово в его стихах требует раздумий. Наше сознание не сразу может свыкнуться с мыслью о том, что земля мертва без любви к отеческим гробам, без любви к родному пепелищу. Два символа смерти и вдруг – “животворящая святыня”! Слишком часто мы остаемся равнодушными и даже почти враждебными к исчезающим кладбищам и пепелищам: двум источникам наших не слишком мудрых мрачных дум и поверхностно тяжелых настроений»⁴.

Таким образом, у Пушкина речь идет не о мрачных переживаниях, связанных с трагедией смерти, а о животворящей силе человеческой памяти. Смерть утрачивает свой абсолютный характер, когда люди, покидая земной мир, уходят не в небытие и забвение, а в мир воспоминаний. «Память, – писал Д. С. Лихачев, – это преодоление времени, преодоление смерти. В этом величайшее нравственное значение памяти»⁵. При таком взгляде генеалогическое знание воспринимается как «пища» для сердца и ума, способствующая воспитанию полноценной, гармонической личности.

Великий русский философ Н. А. Ильин отмечал, что Пушкин, как никто другой, с дивной силой почувствовал и выразил таинственную связь человека со священными силами, или «прообразами», которые открываются ему в недрах семьи и рода. Поэт стремится показать, как из воспоминаний о прошлом семьи и рода, «из духовного и религиозно осмысленного приятия своих родителей и предков рождается и утверждается в человеке чувство собственного духовного достоинства, эта первая основа внутренней свободы, духовного характера и здоровой гражданственности»⁶.

Понятие собственного достоинства занимает центральное место в представлениях Пушкина о формировании и личностном самоопределении человека – подлинного патриота и гражданина. Люди, близко знавшие поэта, подчеркивали его гордое самоуважение, твердую решимость в любой жизненной ситуации бесстрашно защищать свою честь и внутреннюю свободу. Даже язвительный, мало кого уважавший мемуарист Ф. Ф. Вигель отмечал такое свойство характера Пушкина, как «чувство чести, которым весь он был полон»⁷. Это чувство в сознании поэта было неразрывно связано с понятием фамильной, родовой чести. Подчеркивая в полемике с идейными противниками свое шестисотлетнее дворянство, Пушкин видел в нем опору своего личного, человеческого достоинства.



В наши дни понятие фамильной чести может вызвать у многих людей, к сожалению, лишь недоумение или ироническую улыбку. Но в свое время это моральное требование выполняло роль своеобразного «категорического императива» в системе дворянского сословной этики, предписывая человеку определенный образ жизни и поведения. Честь понимали как некое нематериальное, но вполне реальное и существенное достояние, которое дворянин в силу своего рождения получает от предков. Наследственное достояние можно было сохранить и приумножить или же растерять, утратить – ведь многое зависело от самого человека, от его воспитания и подготовки к жизни. Поэтому каждый дворянин обязан был не только знать свою родословную, не забывая о заслугах дедов и прадедов, но и твердо усвоить главную заповедь: как зеницу ока беречь фамильную честь. Далеко не всегда это требование воплощалось в жизнь. Среди дворян, конечно, были разные люди. Тем не менее, можно с полной уверенностью утверждать, что генеалогический принцип был «краеугольным камнем» воспитания лучшей части русского дворянства – знаменитых полководцев, государственных деятелей, писателей, ученых и тысяч безвестных тружеников и защитников Отечества.

Сам Пушкин остро ощущал и переживал живую связь со своими далекими пращурами «Бояр старинных я потомок», – писал он и признавался, что испытывает чувство гордости, встречая упоминания о представителях своего рода даже «в двух-трех строках Карамзина». Пушкин полагал, что достоинство благородного, образованного, культурного человека должно быть основано на бескорыстном уважении к мертвым прадедам, «коих минувшая знаменитость не может доставить нам ни чинов, ни покровительства». Поэтому он весьма резко осуждает историческое «беспамятство» своих современников-дворян, особенно потомков знаменитых в прошлом родов: «Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездой двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей отечества»⁸. Пушкин напоминал своим соотечественникам мысль Карамзина о том, что «государственное правило ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному» и выражал твердое убеждение в том, что «семейственные воспоминания дворянства должны быть историческими воспоминаниями народа»⁹.

Но, к сожалению, пушкинские мысли о воспитательном значении генеалогии не нашли в полной мере понимания и отклика русской общественности в последующие десятилетия. На арену русской истории выступает новое общественное движение, которое открыто провозглашало не только необходимость, но и неизбежность отречения от исторических традиций.

Образ нигилиста Базарова, нарисованный Тургеневым в романе «Отцы и дети», символизировал трудный и крутой уход «новых людей» из «страны отцов», их презрительный и категорический отказ от «животворящих святынь», столь дорогих сердцу Пушкина. Они не находили духовных опор в истории императорской России, которая под пером Салтыкова-Щедрина превратилась в историю города Глупова.

Разночинцы-народники и последовавшие за ними новые поколения революционеров стремились начать историю общества «с чистого листа».

Размышляя над феноменом русского радикализма, Аполлон Григорьев в свое время отмечал «странную черту» в развитии русского общества – «это то, что мы все маленькие Петры Великие на половину и обломовцы на другую. В известную эпоху мы готовы с озлоблением уничтожить следы всякого прошедшего, увлеченные чем-нибудь первым встречным, что нам понравилось, и потом чуть что не плакать о том, чем мы пренебрегли и что мы разрушали»¹⁰. Эти слова русского философа и поэта можно с полным правом отнести к тому, что произошло с генеалогической традицией в нашей стране в XIX–XX вв.

Конфликт поколений был знаковым явлением пореформенной эпохи, но не только он явился причиной угасания генеалогической традиции. В это время в России неуклонно набирал силу процесс, который публицисты называли «оскудением дворянства». Приходили в упадок старинные усадьбы с их библиотеками и архивами, переходившими от отца к сыну, с портретами предков на стенах, с их вишневыми садами и липовыми аллеями. Росло количество беспоместных дворян, утративших не только семейные архивы, но и «семейные воспоминания», о воспитательном значении которых так проникновенно писал Пушкин. Не случайно выдающийся русский историк Л. М. Савелов в своих «Лекциях по русской генеалогии» (1909 г.) с горечью констатировал, что в русском обществе не сформировались «добрые исторические чувства», которые, казалось бы, должны быть присущи народу, имеющему тысячелетнюю историю. «Занятия генеалогией, – утверждал он со знанием дела, – у нас более чем не популярны, – кроме общего отрицания родной старины, многие считают разработку родословных материалов проявлением пустого тщеславия и удовлетворением мелких, личных интересов»¹¹.

Ученый сетовал на небрежное отношение своих современников к памятникам старины, указывая на случаи варварского истребления архивных сокровищ, бросаемых на съедение мышам в сырых подвалах, продаваемых на бумажные фабрики или просто сжигаемых как ненужный хлам.

«Я убежден, – говорил он, – что наши более отдаленные и, несомненно, более культурные



потомки не поблагодарят нас за наше преступное пренебрежение к старине своего народа»¹².

Однако эти вопиющие факты ни в какое сравнение не идут с теми огромными по своему масштабу процессами уничтожения исторического наследия, свидетелем которых ему довелось стать после 1917 г. Находясь в эмиграции вдали от России, Л. М. Савелов мог лишь горестно наблюдать, как на его Родине генеалогия, развитию которой он посвятил всю жизнь, фактически была «упразднена» вычеркнута из числа научных дисциплин.

Революционная буря буквально перепахала социальную почву, уничтожив многие полезные исторические традиции. Во всех слоях общества был нарушен нормальный процесс социализации, передачи социального опыта от поколения к поколению. Духовный, воспитательный смысл генеалогической традиции (как и традиции вообще), о котором говорилось выше, был почти полностью утрачен. Зачастую это происходило в результате крупномасштабных социально-экономических преобразований: перемещение огромных масс сельского населения в города и на «великие стройки социализма» неизбежно приводило к отчуждению мигрантов от их родовых корней. А их дети и внуки уже почти ничего не знали и, как правило, и не желали знать о своих предках.

Следует подчеркнуть, что истреблению родовой и семейной памяти в значительной степени способствовали политические и идеологические факторы. В сталинскую эпоху сокрытие родственных связей и некоторых фрагментов фамильной истории для многих людей было важным условием личной и семейной безопасности. Генеалогическая фильтрация рассматривалась карательными органами как эффективное средство выявления затаившихся «врагов народа». Нетрудно понять, почему люди той эпохи нередко уничтожали семейные архивы, подделывали документы, меняли фамилии, корректировали свои биографии в анкетах, стараясь стереть всякие следы дворянского, казацкого, «кулацкого» прошлого, всякие упоминания о подозрительных родовых корнях или родственниках за границей.

Своеобразное табуирование темы социального происхождения, превращение некоторых «неудобных» деталей генеалогии в семейные тайны было массовым явлением даже на более поздних этапах истории советского общества, когда незаконные репрессии уже остались в прошлом. Разрыв преемственности поколений принес свои негативные результаты: к концу XX в. значительная часть населения России превратилась в «Иванов, родства не помнящих», которые и не задумывались о сохранении документов или иных фамильных реликвий. Неизбежным следствием этого стала безвозвратная утрата целых пластов семейной, а следовательно, народной истории, уникальных бесценных воспоминаний, хранившихся в памяти людей, в письмах, днев-

никах и других документов. Люди уходили из жизни, документы терялись, уничтожались, и вернуть утраченное практически невозможно.

Тем не менее, в настоящее время в нашем обществе наблюдается вполне определенная тенденция – возрастание интереса людей разных поколений, особенно молодежи, к родной истории, к прошлому своей семьи. Они стремятся восстановить те фрагменты фамильной, родовой истории которые еще можно «реставрировать». В настоящее время тысячи людей ищут в библиотеках, в архивах, в Интернете сведения о своих предках, пытаются выяснить, чем они занимались, какую роль играли в истории Отечества. Генеалогические исследования в наши дни – не только удел профессионалов, они стали массовым занятием. Для некоторых наших соотечественников увлечение собственной родословной сродни страстному хобби, коллекционированию. Но многие, с энтузиазмом занимаясь этим делом, преследуют более серьезные цели.

В настоящее время древность рода не имеет для людей утилитарного значения, не дает каких-то реальных преимуществ в карьере, в бизнесе и т. п. Тем не менее, все больше россиян пытаются отыскать свои исторические корни, по крайней мере, узнать, кем были и чем занимались их деды и прадеды, именно потому, что не хотят ощущать себя людьми без роду и племени, случайными гостями в этом мире. Такие генеалогические изыскания, по словам Д. С. Лихачева, отражают «естественное стремление человека к устойчивости, стабильности своего существования на земле»¹³. Освоение семейной истории способно изменить мышление человека, который начинает осознавать себя очередным звеном в цепочке исторической преемственности поколений. Сам процесс генеалогического поиска и его результаты могут стать эффективным стимулом самовоспитания, формирования чувства собственного достоинства и ответственности человека за свои действия не только перед современником, но и перед потомками.

Активное освоение семейного прошлого влечет за собой активное отношение к настоящему и будущему (своему и своих потомков), что предполагает и формирование понятия семейной чести, разработку определенных правил достойного поведения и соответствующих жизненных стратегий. Правильно, на наш взгляд, отмечено, что важным результатом генеалогических изысканий и восстановления фамильной истории является «сакрализация и нравственная консолидация семьи, независимо от степени благородства происхождения... Генеалогия позволяет гордиться принадлежностью к семье, а не к профессии, корпорации или государству. В этом состоит моральный результат генеалогических исследований»¹⁴.

Таким образом, можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что возрождение гене-



алогической традиции в России – объективно обусловленный и благотворный по своим последствиям процесс. Он не сводится к сбору, систематизации и использованию информации о родословии отдельных лиц и семей (это важный, но внешний, формальный аспект). Глубинный аспект этого процесса предполагает органическую взаимосвязь генеалогии (в широком смысле слова) со сложными тонкими механизмами культурно-исторической преемственности поколений. Это вовсе не означает «реставрацию» архаичных, феодальных порядков, когда происхождение («благородное» или «низкое») всецело определяло социальный статус человека. В современном обществе родословный принцип не может быть основанием для незаслуженных привилегий или сословного чванства. Речь идет о всеобщем осознании того факта, что генеалогическая традиция – не пережиток прошлого или музейный экспонат (нечто красивое, но бесполезное), а жизненно важный регулятор социальной жизни. Это означает преодоление позорной социальной болезни – «исторического беспамятства», когда люди попросту забывают, что своей жизнью и благосостоянием они обязаны длинному ряду предков. Чтобы наше общество, устремляясь по дороге прогресса, не заблудилось на этом пути и не погрязло в трясине варварства, нужно сохранять и укреплять живую, бессмертную связь поколений. Об этом стоит позаботиться и политикам, и ученым, и педагогам,

всем нашим современникам, которые чувствуют ответственность за будущее страны.

Примечания

- 1 История и генеалогия : С. Б. Веселовский и проблемы генеалогических исследований : сб. ст. / АН СССР, Ин-т истории СССР ; редкол. : Н. И. Павленко (отв. ред.) и др. М., 1977. С. 46, 57.
- 2 Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М., 1981. Т. 6. С. 39–40.
- 3 Благой Д. Д. О традициях и традиционности // Традиция в истории культуры : сб. ст. / отв. ред. В. А. Карпушин. М., 1978. С. 28.
- 4 Лихачев Д. С. Земля родная : Книга для учащихся. М., 1983. С. 47.
- 5 Там же. С. 44.
- 6 Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. Т. 1. М., 1993. С. 167–168.
- 7 А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : в 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 219.
- 8 Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 6. С. 135.
- 9 Там же. Т. 5. С. 46.
- 10 Григорьев А. П. Воспоминания. Л., 1980. С. 13.
- 11 Савелов Л. М. Лекции по русской генеалогии. М., 1994. С. 12.
- 12 Там же. С. 11.
- 13 Лихачев Д. С. Раздумья. М., 1991. С. 273.
- 14 Здравомыслова Е., Ткач О. Генеалогический поиск в современной России : реабилитация «истории» через семейную «память» // Ab. Imperio. 2004. № 3. С. 406.

УДК 316.344.3

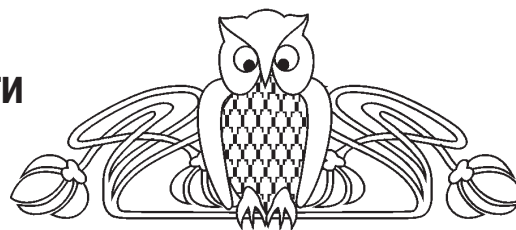
ЯЗЫКОВОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Б. Р. Могилевич

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: Mogilevich@sgu.ru

Глобализационная амбивалентность служит причиной множества социокультурных конфликтов, отражающих размывание и утерю локальных этнокультурных идентичностей, в частности, их языкового компонента. Социокультурный дискурс глобализации актуализирует феномен коммуникативного прагматизма в виде использования родного, регионального языка и языка мирового общения в зависимости от коммуникативной цели и сферы жизнедеятельности коммуникантов. Многоязычие представляет собой гарантию сохранения этнокультурной локальной идентичности. Государство должно гарантировать свободное использование родного языка. Язык мирового общения представляет собой основной механизм языкового конструирования глобальной социальной реальности.

Ключевые слова: глобальная социальная реальность, этнокультурная идентичность, коммуникативный прагматизм, язык мирового общения, многоязычие.



Language Construction of Global Social Reality

B. R. Mogilevich

Global ambivalence causes a lot of sociocultural conflicts, reflecting washing out and loss of ethno-cultural identities, particularly in the language. Socio-cultural global discourse actualizes the phenomenon of communication pragmatism as the usage of mother, regional and global languages, depending on communication goal and human activities spheres. Multilingualism guarantees the preservation of ethno-cultural local identities. The State must ensure the free use of the mother language. The global language is the main mechanism of social communication in the global context, while constructing global social reality.

Key words: global social reality, ethno-cultural identities, communication pragmatism, global language, multilingualism.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-286-289